

В этом мире есть лишь абсолютные.

1

Какого...

Разбуженный неприятным подобием вибрации, я понял, что я в машине. Точнее, в пассажирском сидении ярко-красный «кобры». Там же, видимо, я и должен сидеть. Тогда получается, что вибрация — звук заведённого двигателя, а машина сейчас движется, то есть кто-то должен сейчас сидеть на месте водителя. Посчитав мыслитеный процесс сейчас слишком раздражающим, я бросил взгляд на водительское сидение. Как я и думал, оно занято Айкавой-сан, насвистывающей что-то, будто её на всё до фонаря (беспокоило то, что она насвистывала элегичное начало первой книги «Повести о доме Тайра»). Она держала руль одной рукой, а другой поправляла волосы. Крыша была опущена, и её явно волновало то, что ветер делал с её причёской.

— Что? А, Ии-тан, уже очнулся? Доброе утро.

— Эм... Здравствуйте. Доброе утро, — ответил я, слегка качнув головой. — Эм... где мы?

Я смотрел на проносящийся мимо нас пейзаж краем глаза, и, насколько я мог понять, мы были на шоссе, но я мог сразу определить наше текущее местоположение. По крайней мере, это точно не моя квартира. Хотя нет, вопрос был такой: почему я еду с Айкавой-сан? Ответа не было.

— Мои... воспоминания слегка размытые.

— Типа, это было то ещё дерьмо! — внезапно подняла голос Айкава-сан чуть ли не до крика и повернулась ко мне. — Похоже, ты забыл, да? Не удивительно, особенно после. Кое. Чего. Тебя явно шокировало. Никто не будет винить тебя в том, что ты забыл. Не после. Кое. Чего.

— После кое-чего?

Здесь даже стаккато было чем-то обычным.

Да в чём же дело? Я не мог ничего вспомнить, но очевидно, что я снова попал в какую-то передрыгу вместе с Айкавой-сан. Ясно, тогда абсолютно логично, что я буду сидеть в пассажирском сидении её любимой машины, вообще ничего странного.

— Ага. Ужасная трагедия, которую не получится описать всего парой слов. — Её лицо было невероятно серьёзным. Затем она слегка покачала головой. — Ещё один миг, хоть один, и ты бы умер...

— У-умер... а ведь мой живот почему-то очень сильно болит...

— Да, последствие атаки твоего врага. Нет, не просто врага. «Грозного враза» с ужасающими способностями... но не бойся. После того как я вырубилась... эм, пока ты был в отключке, я обо всём позаботилась.

После этого Айкава-сан начала во всех подробностях описывать мне, что произошло за последниетри дня, рассказывая мне об инциденте, шок от которого полностью отшиб мне воспоминания. Хотя это и случилось всего лишь три дня назад, это была историей о битве и

войне, историей трагичной и комичной, историей кровавой и, помимо прочего, историей о любви и печали. Похоже, я из раза в раз был в шаге от смерти, а Айкава-сан из раза в раз меня спасала. Выбраться из такого затруднительного положения, ничего не сломав, ничего ни чем иным, как чудом. Я ни за что не поверил бы в такую нелепую историю, если бы её не рассказала Айкава-сан.

— Ну и история... Даже для меня крайне странно забыть такую ужасную трагедию. Позвольте мне снова выразить свою признательность.

— Эй, отбрось формальности. Ты меня смущаешь, — слегка поёжилась Айкава-сан. — Мы ведь сейчас не в каких-нибудь скучных отношениях, в которых мы должны благодарить друг друга за каждую мелочь?

Натянуто показав мне палец вверх, она подмигнула мне и улыбнулась. Чёрт возьми, какая же она крутая. Нет, не просто крутая. Она отличный человек. Я в жизни не знал таких замечательных людей. Наверно, я всё время был не прав насчёт неё. Я думал, что она саркастичная и высокомерная и видит во мне лишь игрушку, но, видимо, мне нужно подумать ещё раз.

— Простите, но я точно должен отплатить вам за это. Я должен вам троекратно отплатить за всё, что вы сделали, и чем-то большим, чем «дай пять». Возражайте, сколько хотите, но я отплачу вам, и я не приму «нет» как ответ. Я помогу вам, если у вас будут проблемы.

— Ясно. Ну, раз уж ты это хочешь... Отказ от такого щедрого предложения лишь запятнает чистоту твоих слов, а этого допустить нельзя, не так ли... — Айкава-сан будто смята. — Я вспомнила: так уж вышло, что у меня есть дело, с которым только ты сможешь помочь мне. Подсобишь?

— Конечно, да. Прошу, предоставьте это мне. Этот носитель бессмыслицы желает умереть за вас.

— Рада слышать это, — улабнулась Айкава-сан.

В этой улыбке было нечто жуткое.

— И сейчас мы туда едем. Так. Академия Сумиюри. Знаешь её?

— Не больше, чем её название.

— А если подумать?

— Эм...

Академия Сумиюри. Суперская и трижды не справляющаяся с балансированием на всём частная средняя школа в пригороде Киото, предназначенная только для элиты общества. Другими словами, школа для принцесс. Называемое в шутку «профессиональным училищем для привилегированного класса», это бесподобное учебное заведение, в котором экзаменационный перцентиль и родословная ценятся превыше всего и к которой обычным людям вроде меня даже не подойти.

— Хм. Это всё?

— Да. И не только Сумиюри придерживается политики серкетности и изолированности, так

что информации оттуда сложно утечь. Даже то, что я только рассказал, я знаю только потому, что я услышал её от Кунагисы.

— Что? А откуда Кунагиса обо всё этом знает? Она, конечно, принцесса в каком-то смысле, но она затворница. Почему ей не всё равно на какую-то школу?

— Её интересует униформа. Она одержима матросскими нарядами и не только. Она даже плакалась мне: «Ух ты, форму Сумиюри — единственная, к которой я не могу прикоснуться.»

— Серьёзно? Я не знала, что она не может до чего-то добраться. От этого мне прям лучше стало.

— И она ещё говорила: «Я ни за что не сдамся! Клянусь чернотой своих глаз!»

— Разве её глаза не синие?

— Наверно, поэтому она и сдалась. Так, что там с академией Сумиюри?

— Да, точно. Вот что я хочу, чтобы ты сделал: нужно проникнуть в школу в том, что ты носишь, и вывести оттуда одну ученицу. — Пока она говорила это, смотря на меня, я впервые заметил, что на мне была не моя повседневная одежда. Точнее, я заметил, что я ношу нечто очень странное. Верх был чернее ночи, с короткими рукавами, парными пуговицами справа и слева на груди и довольно большим воротником с единственной полосой вдоль него. Такая она, матроска. И дополнено это всё ветным шарфом. Низ, плиссированная юбка, того же цвета. Без сомнения, без каких-либо рассуждений, это точно не мужская одежда.

— Это униформа академии Сумиюри. Я не особо волновалась, поскольку ты худой, Ии-тан, но чёрт, как же тебе она идёт. У тебя ухоженные длинные волосы, даже твоя чёлка идеальна. А отсутствие индивидуальности здесь лишь в плюс.

— Как— — начал я, собравшись после недолгого потрясения. — Как я оказался в этом модном и красивом наряде?

В этом раз всё вертелось вокруг гендера? Политика идентичности порой тяжёлая для понимания, явно не для всяких сосунков.

— Я одела тебя так, пока ты спал. Эм, твоя одежда была покрыта кровью других людей, поэтому у меня не было выбора. Тогда я вообще не думала о том, чтобы ты во всём этом участвовал.

— Я не думал, что вы станете думать об этом. Но, эм, такой вид крайне постыдный для парня девятнадцати лет...

— О чём ты говоришь? Переодевание в женскую одежду — одна из основа слезки. Это, так сказать, незаменимый приём, абсолютный стандарт для всех детективов. Даже известный Холмс регулярно носил женскую одежду.

— Кто?

— Мугэн Мамия, типа, уже в третий раз переодевается в девушку? По крайней мере, в приключенческой серии.

— Мне больше нравятся загадочные истории с ним, но...

— Даже тот спиритический детектив надевал юбку, когда он расследовал дело в школе для девочек.

— Мы берём это оттуда?!

— Даже ДжоДжо надевал женскую одежду во второй части, когда он проникал в лагерь нацистов.

— Мы это и оттуда подсмотрели?!

— Даже Макатуру пришлось носить юбку в детстве, как поговаривают.

— Прошу, не отсылайтесь к великим историческим фигурам...

— И Ямато Такэру—

— А теперь мы перешли к запылившейся мифологии?

— Дзэродзаки ещё говорил, что ему нравится носить женскую одежду.

— Пожалуйста, не врите так правдоподобно.

— Я слышала, что Хикари нравятся парни, носящие женскую одежду.

— Пожалуйста, не врите так правдоподобно!

Похоже, всё без толку...

А также Айкава-сан явно чересчур сильно увлечена мангой для мальчиков.

— А что тут поделать? Это школа для девочек. Парень туда не попадёт, если он будет выглядеть как парень.

— Да, это так, но...

Стоп, а это вообще «так»? Мне казалось, что нечто важное было фундаментально неправильно на элементарном уровне.

— Хватит уже. Не отнекивайся. — Айкава-сан наконец-то разозлилась. — Ещё минуту назад ты поклялся, что сделаешь всё, о чём я попрошу. И что? Ты лгал мне?

Я даже с усилиями не мог вспомнить, чтобы я обещал отдать последние остатки своей человечности, но Айкава-сан была права: я не могу быть таким неблагодарным. Я понял и кивнул. Точно было ясно, что даже у неё будут проблемы с проникновением в школу для девочек. Школы обычно имеют невероятно сильную охрану, не говоря уже об академии Сумиюри. По очевидным причинам одеть Айкаву-сан в эту форму и отправить её туда будет очень сложно (хотя я не мог отрицать, что мне самому было интересно), а я ни за что не попал бы туда в своей обычной одежде. Я не мог понять, почему она для этого выбрала меня, но я постараюсь помочь. Не то чтобы мне было чем заняться.

— Хорошо, вот твоя поддельная карта ученика. Тебе она понадобится у главного входа.

— Спасибо.

На карте была моя фотография. Какая тщательная подготовка, будто вся эта ситуация с самого начала была подстроена.

— Эм... вы что-то говорили о том, что нужно вывести ученицу оттуда. Другими словами, в этом раз вам нужно кого-то найти и спасти?

Айкава Дзюн была частницей. Её профессия не то чтобы опирается на мораль. В целом она возьмётся за работу независимо от её сложности за разумную плату, будь то распутывание идеальных убийств, сбор информации, отслеживание трафика нелегальных товаров, выслеживание серийного убийцы или поиск со спасением. Но кто захочет нанимать кого-то вроде Айкавы-сан, сильнейшую частницу человечества?

— Не то чтобы это поиск со спасением, но да, что-то вроде этого. Академия Сумиюри — самая настоящая школа-интернат, а потому охрана там строгая. Даже одного вывести оттуда потребует огромных усилий. Есть, конечно, разные способы, если прибегнуть к насилию, но в этот раз нужно сделать всё настолько тихо, насколько это вообще возможно.

Сделать всё тихо. Это точно не сильная сторона Айкавы-сан. Она действует по принципу «сперва стреляй, а уже потом задавай вопросы», поэтому для неё даже логичное дело об убийстве в запертой комнате превращается в боевик.

— Ладно, нужно будет вызволить Итихимэ... Это имя той девочки, Итихимэ Юкарики.

— Вызволить её... Её будто удерживают в заложниках в той школе.

— Весьма близко. Школы ведь по сути учреждения для заключения учащихся под стражу, хотя тюремщики называют это образованием.

Это всё, чем со мной поделилась Айкава-сан. Никаких деталей. Не то чтобы была тут новая информация: ей было всё равно на объяснения или введения в курс дела, если к делу не причастна профессиональная этика или что-то типа того.

«Так всё и есть» — похоже, именно нечто настолько простое было в корне существа Айкавы-сан. Это была священная земля, к которой я, иррационально скованный теорией и логическими приёмами, ни за что не смогу подойти.

— Ну, я не стану спрашивать ни о чём конкретном. Мне вообще это не интересно. Вы просто хотите, чтобы я нашёл ученицу — её ведь звали Юкарики? — защитил и ввел её оттуда, да?

— Вот это мой внимательный Ии-тан. Но насчёт «поисков» тебе не нужно беспокоиться, ибо она будет ждать тебя. Вот, держи.

Поверх моей поддельной карты ученика она положила карту, предположительно кампуса академии Сумиюри. Там была небольшая красная отметка. Видимо, это место, в котором эта девочка будет меня ждать. Рядом с ней написано: «Год второй, класс А.»

— Что касается того, как вывести её оттуда, я предоставлю это тебе. Сама Итихимэ может тебе всё рассказать... Я более чем уверена, что эта девчужка сможет всё тебе объяснить.

Я ощутил некоторую близость Айкавы-сан в словах «эта девчужка». Похоже, она была как-то связана с ней. Они что, друзья? Если да, то, наверно, это поручение было наполовину деловым и наполовину личным.

— И вот напоследок... внешний вид цели. — Айкава-сан положила фотографию на карту. — Этот снимок сделали, когда Юкарики было двенадцать, так что попробуй представить, как бы она выглядела через пять лет.

— Пять лет в возрасте означают, что она точно сильно выросла бы. Не будет ли она выглядеть как совершенно другой человек?

Я с тревогой разглядывал фотографию. На ней была невинная улыбка девочку, едва ставшей подростком. Никакой иронии, непорочности или радости, лишь искренняя улыбка.

Люди с кое-какими убеждениями не смогут сдержаться. Попытайся представить её через пять лет, — как ученицу второго года старшей школы, полагаю, — я могу и точно скажу, что она станет той ещё красавицей.

— Почему ты так на неё смотришь? Она в твоём вкусе, Ии-тан? Руки прочь от неё.

— Ни за что. Меня не тянет не девушек помоложе. — Я перевернул фотографию и бросил её на карту. — Будь она старше меня, я бы ещё подумал.

— Твои сексуальные наклонности такие простые, что сложные... Неважно, с этим ты и сам разберёшься. У нас ещё есть время, так что можешь вздремнуть, если хочешь.

— Да... О, можно кое о чём ещё спросить?

— О чём?

— Можно я оставлю себе форму, когда всё кончится? Я уверен, что Кунагисе она понравится.

Айкава-сан цинично хихикнула и ответила:

— Как пожелаешь.

Затем она сосредоточилась на дороге. То есть до этого она не обращала внимание на дорогу, хотя мы были на шоссе, и это было жутко. В попытках унять тянущую боль в животе и перевернул фотографию и снова взглянул на лицо Итихимэ Юкарики.

Хм. Я не могу и пальцем прикоснуться к нему, но...

Кое-что в нём заинтересовало меня самую малость.

Да, аура этой девочки была—

— Нечто, чем я мог бы насладиться, ни разу не бессмыслица... — пробурчал я очень тихо, чтобы Айкава-сан не услышала, прежде чем убрать фотографию в нагрудный карман.

2

Каково разговаривать о счастливой жизни? Если речь заходит об абсолютных, то тогда точно есть разница между удачей и неудачей. Однако, какими бы удачными не были обстоятельства у человека, он будет несчастен, если он будет считать себя неудачником. В обратную сторону это также работает: можно быть счастливым, если считать себя везучим, несмотря на невезение.

Пока ты судишь обо всём в парадигме счастья и несчастья, ты обречён полностью погрузиться в субъективность. Например, счастлив ли тот, кто сорвал куш в лотерее? С точки зрения обычного человека это будет счастьем. Но победитель считает себя везучим, если в прошлом ему не везло со «срыванием куша». Если бы этот человек постоянно срывал куш, то для него это не было бы счастьем, а очередным скучным случаем. Само собой, в обратную сторону это тоже работает. Сколько человек искренне сождало бы о не выигрыше в лотерее?

Как итог, люди могут осмыслить удачу и неудачу лишь в относительных понятиях. Это означает, что вещи вроде «равенства» вообще не могут существовать в реальности, что действительно беспристрастная онтология невозможна. Удача и неудача связаны, и с точки зрения не индивида, но в общем случае они обе отменяют друг друга. Это игра без ставок—

Над такой историей с абсурдным концом я праздно раздумывал, идя по коридорам академии Сумиюри. Я бы соврал, сказав, что я не чувствую напряжения, но моё проникновение пока что идёт на удивление гладко. Способности Айкавы-сан к подделыванию были бесподобны, хотя меньшего от сильнейшей участницы человечества я не ожидал. И моя маскировка тоже вроде как без изъянов, хотя она мне не нравится. С момента моего прибытия я прошёл мимо нескольких человек, которые, полагаю, являются ученицами академии, раз уж они носят ту же чёрную матросскую форму, что и я, но никто не выразил ни единого намёка на сомнение или подозрение в моём присутствии.

Часть меня волновалась из-за того, что всё это было слишком просто, но мне, будучи самозванцем, нечего жаловаться на это: всё это относилось к бытию безупречного преступника. Вместо этого я ходил по зданию в том темпе, при котором никто ничего не заподозрит, и думал, какой же я везучий. Логично, что я не могу разгуливать по кампусу с картой в руках, поэтому я положился на свою память и стал искать назначенное место встречи: год второй, класс А. Кто угодно сказал, что ученик, постоянно смотрящий на карту, чтобы ориентироваться в школе, смехотворен.

— Как погляжу, это в целом обычная школа, но...

Учитывая, что это престижная частная школа для принцесс, я ожидал чего-то более эксцентричного, чего-то странного и другого. Хотя с чего бы учреждениям держать тузы в рукавах? Тут мои ожидания подвели меня. Но я не могу отрицать того, что это слегка обламывало.

— Поскольку именно Айкава-сан попросила меня сделать это, то мне думалось, что всё будет намного сложнее... Но если всё именно то, чем является на первый взгляд, то, возможно, я сделаю всё на раз-два.Поспешишь — людей насмешишь.

Мне показалось, что я не совсем правильно применил выражение «поспешишь — людей насмешишь», но неважно. Я поднялся по ступенькам и, слегка потерявшись, нашёл комнату класса А второгогодок. Там не было никого. Хм, как убедительно. Не то чтобы я должен был соблюдать строжайшую секретность, но лучше по возможности быть незаметным.

Но меня всё ещё терзали сомнения. Тот факт, что я смог нагло войти в школу через главный вход, был слегка странным. Не означало ли, что я смогу уйти отсюда так же легко, как я сюда вошёл? Мне внушили, что ученицы здесь содержатся в строгости и под надёжной защитой в пределах школы, но дело было вряд ли в этом. Так означает ли это, что Итихимэ Юкарики смогла бы уйти отсюда в любой момент без меня, не говоря уже об Айкаве-сан? Да и тот факт, что она составила этот план, чтобы встретиться со мной в классе, указывал на то, что она не ограничивалась в действиях.

Если бы я в этот момент ещё немного подумал над всем этим, то я, наверно, смог бы уловить нечто выбивающееся в этой «странной» атмосфере, царившей в школе: даже воздух здесь будто бы отличался от воздуха в обычных местах.

Но я ни о чём таком упорно не думал, поэтому я просто положил ладонь на дверь кабинета класса А второгодок и вошёл внутрь. Сам класс выглядел как класс обычной старшей школы. Но, повторюсь, я никогда не посещал обычную старшую школу, так что мне было не с чем сравнивать.

Но это было не важно. Важно было то, что внутри не было ни единой души.

— Что?

И в этом вся проблема. Это меня спустило с небес на землю, поскольку я настроился на встречу с мисс Юкарики. Может, она где-то здесь прячется? Да быть того не может. Если бы она спряталась, то где—

В этот же момент я увидел слегка покачнувшиеся средства для уборки. Было непонятно, с чего шкафчик должен затрястись, когда окно закрыто, а в комнате нет никакого сквозняка. Выходит, она внутри? Логично, ведь шкафчик очень похож на то место, в котором мог бы спрятаться подросток. Возможно, она хотела слегка позлорадствовать над своим новоприбывшим сопровождающим, который сейчас слегка в замешательстве, но я не хотел дать ей выставить меня дураком. Точнее, может, я и повёлся на этот трюк три дня назад, но в эти же три дня я бесчисленное множество раз обманывал смерть. Другими словами, я вырос как человек, и для нового меня это было ничем иным, как детской забавой.

— Что-о-о же? Её здесь нет. Что же мне де-е-елать, — пробурчал я, подкрадываясь к шкафчику. Ага, я несомненно смогу заставить её выпрыгнуть оттуда, как испуганного кролика, если я хорошенько ударю по нему. За такие детские шалости нужно наказывать. Я стоял перед шкафчиком и думал, ударить мне левой ногой или правой, когда—Бр-р-р-р

Меня всего обдало холодом. В это же время мне приставили что-то к спине.

Что-то толстое и твёрдое, словно дуло пистолета—

— Не двигаться, руки наверх.

Я вытянул руки, как мне и сказали. Я не повернулся. Но и без поворота я смог кое-что выяснить. Голос принадлежал молодой или хотя бы незрелой женщине, и он, судя по высоте, с которой он исходил, эта девочка была намного ниже меня.

Значит шкафчик был отвлекающим манёвром... Меня заставили признать, что я угодил в простую ловушку. Это была странная стратегическая ошибка для того, как обводил саму смерть вокруг пальца так часто, как это приходилось делать мне. Такая странная, что я бы к своему страху согласился с тем, что Айкава-сан сфабриковала всю ту историю, соврала мне прямо в лицо, если бы мне это сказали.

— Ты кто? — донёсся вопрос сзади.

На него я спокойно ответил, будто это ничего не значило:

— Меня послала Дзюн Айкава. Но у меня нет имени для тебя. Видишь ли, я горжусь тем, что я назвал своё настоящее имя лишь одному человеку.

— ..?

Ощущение в моей спине мгновенно ослабло после моего своеобразного ответа. Это было окно, недостойное названия, в которое я уклонился влево и развернулся. Я приготовился искупаться в славе вместе со своим противником, но, может быть, из-за моего волнения мои ноги безнадежно сплелись перед окончанием разворота, после чего я упал лицом в пол. Мой «враг» не собиралась допускать этого, а потому мгновенно сократила дистанцию, подперев мой лоб—

Альтом.

— Ничего себе способ представиться, — сказал я.

— Извини. Нас учили при виде незнакомца скрыться и подкрасться сзади. — Она подняла альт и поставила его под углом, будто она дирижировала оркестром.

— А, тогда понятно... — Я отвёл кончик альта и встал. — Тогда я научу тебя представляться взрослому.

Теперь стоя лицом друг к другу, я рассмотрел девушку в чёрной форме и с маленькой сумкой через плечо.

Ошибки нет: это та самая девушка с фотографии. Её внешность была почти такой же, хотя фотографию сделали пять лет назад. Без преувеличения можно сказать, что она почти не выросла. Не мелкое тело, а низкое. Не невинное, но детское лицо. И та самая искренняя улыбка.

— Рад встрече, Итихимэ Юкарики.

<http://tl.rulate.ru/book/4792/4427294>